

Критика 70-х гг. XIX века / Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. С. Ф. Дмитренко.-- М.: ООО "Издательство "Олимп""; "Издательство "АСТ", 2002 (Библиотека русской критики)

[OCR Бычков М. Н.](#)

Едва Кельсиев² ушел за порог, новые люди, вытесненные суровым холодом 1863³, стучались у наших дверей. Они шли не из готовален наступающего переворота, а с обрушившейся сцены, на которой они уже выступали актерами. Они укрывались от внешней бури и ничего не искали внутри; им нужен был временный приют, пока погода уляжется, пока снова представится возможность идти в бой. Люди эти, очень молодые, покончили с идеями, с образованием; теоретические вопросы их не занимали отчасти оттого, что они у них еще не возникали, отчасти оттого, что у них дело шло о приложении. Они были побиты материально, но дали доказательства своей отваги. Свернувши знамя, им приходилось хранить его честь. Отсюда сухой тон, *cassant, raide*⁴, резкий и несколько поднятый, отсюда военное, нетерпеливое отвращение от долгого обсуживания, критики, несколько изысканное пренебрежение ко всем умственным роскошам, в числе которых ставились на первом плане искусства... Какая тут музыка, какая поэзия! "Отечество в опасности, *aux armes, citoyens!*"⁵. В некоторых случаях они были отвлеченно правы, но сложного и запутанного процесса уравнивания идеала с существующим они не брали в расчет и, само собой разумеется, свои мнения и воззрения принимали за воззрения и мнения целой России. Винить за это наших молодых штурманов будущей бури⁶ было бы несправедливо. Это -- общеюношеская черта. Год тому назад один француз, поклонник Конта⁷, уверял меня, что католицизм во Франции *не существует*, а *completement perdu le terrain*⁸, и между прочим ссылался на медицинский факультет -- на профессоров и студентов, которые не только "не" католики, но и "не" деисты.

-- Ну, а та часть Франции, -- заметил я, -- которая не читает и не слушает медицинских лекций?

-- Она, конечно, держится за религию и обряды... но больше по привычке и по невежеству.

-- Очень верю, но что же вы сделаете с нею?

-- А что сделал 1792 год?

-- Немного: революция <1 нрзб.> сначала заперла церкви, а потом отперла. Вы помните ответ Ожеро Наполеону, когда праздновали конкордат⁹: "Нравится ли тебе церемония?" -- спросил консул, выходя из Нотр-Дам, якобинца-генерала. -- "Очень, -- отвечал он, -- жаль только, что недостает двухсот тысяч человек, которые легли костями, чтоб уничтожить подобные церемонии". -- "Ah bas!.. мы стали умнее и не отопрем церковных дверей или, лучше, не запрем их вовсе и отдадим капища суеверий под школы".

-- *L'infame sera ecrasee*¹⁰, -- dokonчил я, смеясь.

-- Да, без сомнения... это верно!

-- Но мы-то с вами не увидим этого -- это вернее.

В этом взгляде на окружающий мир сквозь подкрашенную личным сочувствием призму лежит половина всех революционных неудач. Жизнь молодых людей, вообще идущая в своего рода шумном и замкнутом затворничестве, вдали от будничной и валовой борьбы из-за личных интересов, резко схватывая общие истины, почти всегда срезывается на ложном понимании их приложения к нуждам дня.

...Сначала новые гости оживили нас рассказами о петербургском движении, о диких выходках оперившейся реакции, о процессах и преследованиях, об университетских и литературных партиях... потом, когда все это было передано с той скоростью, с которой в этих случаях торопятся все сообщить, наступили паузы, гиагузы¹¹... беседы наши сделались скучны, однообразны...

"Неужели, -- думал я, -- это в самом деле старость, разводящая два поколения? Холод, вносимый летами, усталю, испытаньями?"

Как бы то ни было, я чувствовал, что с появлением новых людей горизонт наш не расширился... а сузился, диаметр разговоров стал короче; нам иной раз нечего было друг другу сказать. Их занимали подробности их кругов, за границей которых их ничего не занимало. Однажды передавши все интересное об них, приходилось повторять, и они повторяли. Научкой или делами они занимались мало -- даже мало читали и не следили правильно за газетами. Поглощенные воспоминаниями и ожиданиями, они не любили выходить в другие области; а нам не доставало воздуха в этой спертой атмосфере. Мы, избаловавшись другими размерами, задохнулись!